

УДК 397, 902/604

ПУТИ АДАПТАЦИИ КУЛЬТУРЫ К ИЗМЕНЕНИЯМ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Баитанник Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: abai@yandex.ru

В статье на основе данных этнологии, культурологии и археологии рассматриваются вопросы, связанные со способами трансформации (адаптации) материальной культуры древних и традиционных обществ к изменениям экологической обстановки. Общество адаптируется к природной среде своего обитания не столько биологическим путем, то есть путем изменения физиологических, морфологических и других параметров, сколько посредством изменения своей хозяйственной деятельности и связанной с ней культуры. Главным механизмом адаптации являлась культура, в первую очередь материальная культура, с помощью которой люди не только приспосабливались со временем к той или иной новой природной среде (экологической нише), но и преобразовывали саму эту среду. Культура понимается как средство и результат адаптации. Выделены такие способы культурной адаптации, как приспособление орудий труда, жилища, одежды к новым условиям, переход от присваивающего хозяйства к производящему или наоборот, отказ от одних форм хозяйства и переход к другим в рамках производящей экономики, отказ от одних форм хозяйства и переход к другим в рамках присваивающей экономики, формирование системы расселения в зависимости от меняющихся приоритетов хозяйствования, изменения в структуре питания и диете. Показана адаптационная роль перехода к более примитивным формам культуры (регрессивные, рецессивные адаптации).

Ключевые слова: культура, экология, адаптация, ресурсы, жизнеобеспечение.

WAYS OF ADAPTATIONS OF CULTURE TO CHANGES IN THE NATURAL ENVIRONMENT

Bashtannik Sergey Vasilyevich, PhD in History, Researcher, Laboratory of Archaeology, Federal State Budget Scientific Institution "The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry," Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abai@yandex.ru

The methodological basis of this study is the research paradigm adaptation. Adaptation is aimed at providing people with the primary means of maintaining their lives: food, clothing, housing, etc. Types of adaptation are described as cultural and ecological complexes formed in a certain habitat on the basis of the data of ethnology, cultural studies and archeology deal with issues related to the processes of transformation (adaptation) of the material culture of the ancient and traditional societies to changes in environmental conditions. The author proves the thesis that society adapts to the natural environment of their habitat not only biologically, by changing the physiological, morphological, and other parameters, as by changing its economic activities and culture associated with ones. Culture is the main tool of adaptation, primarily material culture with which people not only have adapted over time to one or another of the new environment (ecological niche), but also transformed itself to this environment. Culture is understood as a means and a result of adaptation. Such processes of cultural adaptation are highlighted as adaptation tools, shelter, clothes to the new environment, the transition from foraging to food production economy or vice versa, refusal of some forms of the economy and the transition to another within the appropriating economy, the formation of settlement systems, depending on the changing priorities of economics, changes in diet and eating patterns. Also demonstrated adaptive role of the transition to more primitive forms of culture (regressive adaptation recessive).

The landscape is considered as a source of life-supporting resources. Each landscape has a certain ecological potential, i.e. the ability to provide for the needs of people in primary (unrelated to production) livelihoods: heat, air, water, food sources, building materials, as well as in the natural conditions of work, life, recreation, etc.

Keywords: culture, ecology, adaptation, resources, subsistence.

Приспособление орудий труда, жилища, одежды к новым условиям

Обитатели мустьерских мастерских у с. Калитвенская на р. Северный Донец могли оценивать качество кварцита, из которого они изготавливали орудия. Валуны, извлечённые из песка, будучи влажными, обладали более высокими технологическими характеристиками: не имели трещин, в отличие от валунов, собранных на поверхности. Не исключено, что древние мастера на основании этих наблюдений могли специально помещать заготовки для орудий в водную среду. Экспериментально установлено, что камень, пролежавший несколько часов в воде, становится более пластичным и лучше поддаётся обработке [16, с. 19].

Восточная Сибирь в эпоху камня с её богатыми и доступными для разработки месторождениями каменного сырья имела лучшие возможности для развития и совершенствования каменной индустрии. Примером этому могут служить каменные изделия культур прибайкальского и ангарского неолита – китойской (VI – середина V тыс. до н. э.), исаковской (конец V – начало IV тыс. до н. э.), серовской (IV тыс. до н. э.).

В Западной Сибири постоянная нужда в дефицитном каменном сырье вызвала по мере роста численности населения необходимость поставить свое хозяйство на более прочную материально-техническую основу. Поэтому началось освоение местных и окрестных (Урал, Алтай, Центральный Казахстан) месторождений меди и оловянного камня (касситерита). Возникла собственная меднобронзовая металлургия, ярким примером которой могут служить высокохудожественные сейминско-турбинские бронзы, базирующиеся на алтае-саянских рудных источниках. Население же Восточной Сибири, особенно северо-восточных ее окраин, где месторождения высококачественных пород камня были удобны для добычи и практически неиссякаемы, продолжает использовать прежние, доставшиеся от неолита сырьевые

источники [9, с. 6]. Навыки обработки камня совершенствуются. Интересно, что в сейминско-турбинских комплексах наряду с бронзовым литьём встречаются и каменные изделия из нефрита синхронных прибайкальских культур – глазковской.

Русские охотники Катангского нагорья восприняли от эвенков чум, покрытый корой, но его дымовое отверстие заделывалось, так как для обогрева пользовались железной печкой с трубой. Почти все русские охотники были экипированы эвенкийской охотничьей одеждой, лыжами и лодками эвенкийского образца как наиболее практичными в данных ландшафтно-климатических условиях [21, с. 147; 4, с. 143].

Одежда охотников, отправлявшихся на морскую охоту, должна быть приспособленной к этому виду деятельности. Их штаны и торбаса шились из тюленьей кожи с таким расчетом, чтобы они не пропускали воду, а сверху короткой кухлянки надевался укати – «дождевик». У коряков изначально они делались из моржовых кишок. Но к началу XX века поголовье морского зверя стало исчезать. В связи с уничтожением моржей оседлые аляutorцы стали использовать укати такого же образца, каким пользовались оленеводы, то есть из сделанных особым способом кож оленьей. Чтобы оленья кожа стала непромокаемой, ее обрабатывали следующим образом: со шкуры убитого в июле-августе старого оленя вытеребивали догола шерсть. Затем шкуру растягивали при помощи колышков над землей мездрой вверх. Когда кожа высыхала, ее сочно промазывали жиром морских животных, после чего растягивали в яранге над костром, где она постепенно просыхала и вместе с тем коптилась. Получалась непромокаемая кожа, из которой и шились укати и летание кухлянки, а также штаны, мешки для хранения запасов одежды [6, с. 83]. Так на замену старого привычного ресурса был найден новый и изобретены способы его обработки.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему или наоборот

Второй способ адаптации описан исследователями в конце XIX у бурят: «Самым сильным фактором, грозящим в конце концов подорвать кочевой быт даже таких бурят, как агинские и эравинские, является рост их населения. Под влиянием этого фактора закаменские буряты, звероловы, мало-помалу обращаются к скотоводству и земледелию; рост же населения заставил большинство бурят, живущих по нижнему течению Хилка, по рекам Уде, Селенге и прочим, принятьсь серьезно за хлебопашество и отводить ему в своём хозяйстве место не менее важное, нежели скотоводству» [11, с. 180].

Во время гололедницы зимой 1904–1905 годов около сорока малооленных хозяйств чукчей в районе Чаунской губы потеряли всех своих оленей и вынуждены были искать дополнительные средства к существованию. Они перешли к охоте, рыболовству, морскому промыслу. Это побуждало их держаться ближе к побережью океана, местам рыбной ловли. Многие заводили соответствующие орудия промысла и байдары. Оленеводы, владевшие большим количеством оленей, в меньшей степени прибегали к охоте и рыболовству. У оленного чукчи, по наблюдениям В. И. Йохельсона, нет ни привычки к охоте, ни времени для нее, так как стадо требует постоянного ухода и забот. К охоте и промыслу тяготеют бедные и малооленные люди, богачи не интересуются охотой.

Степень важности рыболовства определялась для чукчей-кочевников количеством имевшихся в хозяйстве оленей, для оседлых – успехами морского зверобойного промысла. Чем меньше было в хозяйстве оленей, тем больше занимались рыболовством. Чем хуже были результаты промысла морского зверя у оседлых чукчей, тем больше они прибегали к рыболовству [5, с. 167, 308].

Отказ от одних форм хозяйства и переход к другим в рамках производящей экономики

Подобные наблюдения были сделаны А. Хариузиным в конце XIX века: «Нищий киргиз, лишённый стада и привычного пропитания, прибегает к посеву хлеба, обрабатывает поле, располагает всегда близ реки или озера... питается между тем скудным ловом рыбы... но продолжает он эту жизнь, наполненную трудов и нужд, только до того времени, пока не в силах будет от

избытка полевых произведений своих опять завести несколько стада; тогда земледелец опять делается пастухом, бросает поле и снова впадает в любимую праздность природной кочевой жизни» [22, с. 62].

Показательно, у кочевников даже на ценностном уровне было негативное отношение к оседлому образу жизни, что также подстёгивало их к возврату к традиционной модели адаптации. Так, скифы считали бедняков, не имевших возможности продолжать кочевание, «бесчестными», людьми «самого низкого происхождения». У огузов обедневшие и оседавшие на землю лица переставали быть полноправными членами общества. Обычное право огузов доброжелательно относилось лишь к кочевому образу жизни. Легендарному Огуз-хану приписывалось изречение: «Передвигайтесь, не будьте оседлыми, кочуйте по весенним, летним и зимним пастбищам и землям у моря, не зная недостатка. Пусть у вас не убавится молоко, йогурт, кымран» [1, с. 96–97, 109].

Отказ от одних форм хозяйства и переход к другим в рамках присваивающей экономики

Так, в низовьях Оби и Иртыша раз в 10 лет случаются большие наводнения, которые делают недоступными рыболовецкие угодья. Рыболовство здесь наиболее продуктивно при мелководье на песчаных отмелях. Рыболовство становится по Иртышу возможным, как и на Оби, тогда, когда вода в реке начинает сбывать, рыба собирается по определённым местам, и тогда только находится возможным добывать её» [20, с. 25]. По сообщению П. С. Палласа, «в самой Оби тогда за её шириною и глубиною не ловят, а также и когда чрезвычайная вода бывает, как в 1770 и 1771 годах, то по обыкновению остяки вместо многой надежды о запасе принуждены бывают терпеть наужаснейшую нужду» [19, с. 109]. В такие годы отрицательно сказывалась односторонность оседлорыболовческого уклада и возникало стремление перейти к комплексному охотничье-рыболовческому хозяйству. Но пережив голодный год, остяки вновь обретали длительное изобилие рыбного продукта, и стимул к перемене хозяйственных занятий исчезал [9, с. 71].

Коряки. К началу XX века с территории расселения коряков-алюторцев почти полностью

исчезли дикие олени, что привело к изменениям в направленности их хозяйственных занятий и расселении. Большое значение приобрели морской зверобойный промысел и позднее – рыболовство, а сами аляutorцы начали переселяться ближе к устьям рек, ближе к источникам нового жизнеобеспечивающего ресурса. Так, с. Култушное (Илир) переместилось с верховий реки сначала в низовья, а затем к устью. То же произошло и с частью населения Вывенки, Кичиги и др.

Но к началу XX века и поголовье морского зверя стало исчезать. Причина в том, что американские китобои истребили моржей в этой части Берингова моря, и их лежбища совершенно опустели. Хищничество иностранных браконьеров около берегов Камчатки в середине XIX века приняло бедственные размеры. В 60-х годах американские китоловы устраивали специальные экспедиции для избиения моржей, от которых брали только клыки. Лежбища острова были покрыты сплошь трупами животных. «В 1878 году, – писал Н. В. Слюнин, – на Карагинский остров специально за промыслом моржей приходил на шхуне американец Пратт с довольно многочисленной командой, которая вместе с нанятыми инородцами с. Карагинского на мысе Семенова (на косе) добыла 1500 моржей. Вся эта масса трупов была оставлена на месте, издавая сильное зловоние... зверь уменьшился на лежбищах, не переставая, однако, привлекать хищников». Как известно, лежбища, даже загрязненные остатками промысла, моржи посещали неохотно, а на лежбища с гниющими трупами вообще не выходили. В итоге полувекового бесконтрольного истребления моржей на лежбищах и в прибрежных водах Камчатки они почти исчезли. В результате морской зверобойный промысел местного населения пришел в упадок, сократились источники питания, не стало материала для изготовления байдар.

В 80-х годах XIX века аляutorцы еще занимались охотой на моржей, тюленей, но в их жизнь прочно входило рыболовство. «Летнее время, – писал А. Ресин, – все население проводит на рыбных промыслах, в балаганах у берега моря и устья своей реки. Часть же населения в то же время охотится на морского зверя, главным образом моржа, затем на нерпу». К началу XX века аляutor-

цы почти полностью перешли на питание рыбой. В Кичиге и других аляutorских селениях, как писал В. Г. Богораз, «почти перестали убивать моржей. Здесь, впрочем, весной на льду колот моржей, но у них не стало байдар, ибо у них нет совсем лахтаков (то есть шкур, которыми обтягивали байдары)» (см. [6, с. 63, 68–69]).

Формирование системы расселения в зависимости от меняющихся приоритетов хозяйствования

Поселки коряков-аляutorцев ко времени прихода русских в XVII–XIX веках обычно располагались по берегам рек, на возвышенных местах, откуда хорошо просматривались окрестности, была типична разбросанность малочисленных поселений, обычно состоявших из двух-трех полуземлянок, находившихся по соседству. Однако уже в XIX веке заметно проявляется стремление к селению в более крупные посёлки. Это определилось изменением хозяйственных занятий – сокращением значения сухопутной охоты и постепенным увеличением роли рыболовства и морского зверобойного промысла. Известно, что адаптация, основанная на рыболовстве, позволяет проживать оседло около водоёма – источника жизнеобеспечивающего ресурса, более многочисленной группе, чем в случае с охотой. Охота на диких копытных имела индивидуальный характер, выпас оленей тоже не требовал объединения больших коллективов, в отличие от охоты на морского зверя или рыболовства. Эти два хозяйственных занятия, с одной стороны, требовали концентрации рабочих рук, а с другой – давали возможность обеспечить существование более многочисленных коллективов (см. [6, с. 75]).

Казымские и берёзовские ханты обычно имели три поселения: зимнее, весеннее и летнее, иногда к ним добавлялось осеннее, на котором велся осенний промысел уток перевесами. Летние юрты располагались непосредственно на обском берегу, зимние – на расстоянии 2–10 км от летних в лесу, весенние, как и осенние, служили местом охоты на уток.

На весенние места перебирались в апреле на лошадях по льду. Здесь ловили уток: мужчины – ружьями, женщины – сетями-перевесами, которые устанавливались на просеках, где пролетают

утки; занимались подледным ловом карасей на озерах плетеными ловушками-мордами *пун*.

На летние места перебирались на лодках в мае, где оставались до сентября. Коров на летники перевозили на спаренных лодках, а лошадей оставляли на весеннем месте. Некоторые семьи сразу в апреле по льду перебирались на летники. В мае, после ухода льда, перегораживали протоки, в небольших проточках ставили ловушки – морды *пун* и рукава *нос*, в озерах и старицах промышляли сетями *холоп*. На Оби занимались неводным ловом, особенно широко распространенным для ловли муксуна в июле. Со спадом воды закрывали соры, устанавливая запоры *вар*, которые облавливали плетеными ловушками, сетями и неводами. С уходом воды, в конце июля-августе, неводили на Оби бригадами из 3–7 человек неводами *тохаль* длиной 150–200 м. У обских казымцев часть летнего времени (в июле, августе и даже в сентябре) уходила на заготовку сена для домашнего скота, которое вывозили с летников по зимнему пути на лошадях. В зимние поселки возвращались на лодках до замерзания рек. Зимой занимались подледным ловом у «живунов» посредством морд *пун*, малых неводов *аи тохаль*.

«Оленные» казымцы и березовцы так же, как и обские, имели по три сезонных поселка: летний *лун курт*, зимний *тал курт* и весенний *тов курт*. Летние находились на песках в русле Оби (казымцы) или в низовьях Северной Сосьвы (березовцы), на них вели промысел ценных видов рыб: осетра, нельмы, муксуна, стерляди, тугуна при помощи сети *калыдан*. Весенние служили местом промысла уток и другой водоплавающей перелетной птицы. Зимники располагались в тайге по притокам, казымцы зимой жили отдельными семьями, а березовцы – по 2–3 семьи [15, с. 105–107].

Изменения в структуре питания и диете

Выход русских к северным рекам и берегам Ледовитого океана значительно расширил возможности рыболовства, а для прибрежного населения ввиду невозможности заниматься традиционным хлебопашеством рыба стала основным продуктом питания. Жители Поморья говорили: «Безрыбье хуже бесхлебья». Свежую рыбу употребляли в пищу жители городов и селений, расположенных на воде, а в удаленные от водоемов места ее доставляли на продажу в соленом, мо-

роженом, вяленом, сушеном виде. Наиболее распространенным способом заготовки рыбы являлось соление, но не крутое, а чтобы тушка рыбы припахивала. По замечаниям иностранцев, простой народ такую рыбу предпочитал свежей. «Взяв в руки рыбу, русский подносил ее к носу и пробовал: достаточно ли она воняет, и если в ней вони было мало, то клал и говорил: “Еще не поспела!”» [10, с. 12]. На востоке Европейского Севера русские восприняли от местного населения новый способ заготовки – квашение без соли или с малым ее добавлением, а также сыро-ядение сильно замороженной рыбы – строганины. Внеся с мороза тушку и сделав круговой разрез вокруг шеи, с рыбы снимали кожу, а затем, опирая голову рыбы о доску, стругали ножом тонкие кусочки мяса. В северной части Европейского региона и Сибири из рыбы вытапливали жир и употребляли его в пищу. После принятия христианства соблюдение постов большинством жителей выдвигало рыбную пищу на первый план по отношению к мясной [8, с. 70].

Регрессивные адаптации

Они характеризуются утратой более технологичных, сложных, прогрессивных способов жизнеобеспечения, упрощением материальной культуры. Так, в тяжелые периоды у арктических приморских охотников была возможна полная деградация некоторых видов промысла и утрата важнейших технологических элементов полярной зверобойной культуры. Наиболее известный пример – полярные эскимосы северо-западной Гренландии, утратившие в условиях полной изоляции «малого ледникового периода» XVI–XVIII веков кожаные каркасные лодки, лук и стрелы, остроги для лущения рыбы. Потеря этих важнейших технологических достижений вызвала у них деградацию промысла морских животных на открытой воде, охоты на диких оленей, летнего рыболовства. Резко сократилось и число используемых пищевых продуктов [12, с. 174].

Подобные примеры знает и практика производящего хозяйства. Складывавшиеся в Сибири системы земледелия уже в дореволюционных публикациях получили определение «неразвитых» и «примитивных» по сравнению с земледельческими системами европейской части страны. Действительно, придя за Урал с прекрасным знанием трехполья, первые поколения переселенцев, как

констатировал в свое время В. А. Александров, убедились в трудности его внедрения в местных условиях. По этой причине «русский земледелец воспользовался огромными земельными запасами и повсеместно в Сибири обратился к исторически более ранним экстенсивным формам землепользования», прежде всего, таким, как залежь и перелог [2, с. 53]. Местные природно-климатические условия, уточняет Н. А. Миненко, заставили пришедшего в Сибирь русского земледельца, вооруженного навыками трехпольного хозяйства, быстро переориентироваться на двуполье в сочетании с перелогом и с зачатками трехпольного чередования на отдельных участках [17, с. 89].

Исходя из того что «каждая система земледелия» должна определяться «прежде всего, условиями, в которые поставлен земледелец», Н. И. Никитин подчеркивает, что в сибирских условиях подобная система полеводства оказалась «наиболее целесообразной и оправданной» [18, с. 115–116]. Вместе с тем, уже на данном примере можно проследить характерную для дальнейшей истории региона закономерность, согласно которой обилие природных ресурсов Сибири неоднократно становилось решающим фактором в пользу экстенсивного развития не только сельскохозяйственного, но и промышленного производства, замедляя переход к интенсивным способам ведения хозяйства. Указанная закономерность, выявленная на материалах современного экономического развития стран, богатых углеводородными ресурсами (такими, как нефть, газ, уголь и пр.), получила название феномена «ресурсного проклятия».

Причиной забрасывания пашни в залежь могло быть не только истощение земли, но и за-

растание ее сорняками. Применительно к условиям Восточной Сибири еще в середине XIX века отмечалось такое изобилие земли, что всякий, по словам наблюдателя, «пахет, где ему вздумается... Вместо удобрения парят землю через год, а по прошествии 10 лет бросают пашню и принимаются за новую не потому, чтобы она истощилась, но потому что покрылась сорными травами» [13, с. 197]. Таким образом, в условиях многоземелья крестьянину было удобнее и дешевле периодически обновлять часть пашенных угодий, то есть, используя естественное плодородие почвы, «забрасывать выпашу в залежь и осваивать целину» [17, с. 91], а не переходить к интенсивным способам земледелия. Именно благодаря большому количеству свободных земель сибиряки предпочитали экстенсивные или, как подчеркивает В. А. Липинская, «естественные способы восстановления плодородной силы земли с небольшим сроком включения земли в обработку и максимально возможным отдыхом» [13, с. 204].

Отметим, что в Европейской части страны в тот же период преобладала противоположная тенденция. Например, на Русском Севере, где пригодные для хлебопашества земли начали исчезать уже во второй половине XVIII века, такие виды земледелия, как перелог, залежь и подсека, требовавшие много земель и новых лесных расчисток, согласно материалам исследователей, постепенно сокращались, уступая место классическому трехполью [7, с. 125; 14, с. 103–106].

Пути и способы адаптации культуры к динамике экологической среды, к природным вызовам, конечно, не исчерпываются описанными выше способами и примерами их конкретной реализации.

Литература

1. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII веков. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 297 с.
2. Александров В. А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII век) // *Вопр. истории.* – 1973. – № 8. – С. 39–58.
3. Баштанник С. В. Средневековая городская культура на сырдарьинском участке великого шелкового пути // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств.* – 2016. – № 37/1. – С. 93–102.
4. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX века). – Л.: Наука, 1969. – 305 с.
5. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. – Л.: Наука, 1965. – 404 с.
6. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. – Л.: Наука, 1973. – 303 с.
7. Власова И. В. Традиционное сельское хозяйство на Русском Севере // *Традиционный опыт природопользования в России: сб. науч. ст.* – М.: Наука, 1998. – С. 119–138.

8. Дьяченко В. И. Пути и особенности колонизации русскими Таймыра // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX века): сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 68–124.
9. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.
10. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – СПб.: Типография Карла Вульфа, 1887. – 218 с.
11. Кроль М. А. Предварительный отчёт о работах по исследованию забайкальских бурят за период 1892–1895 годов // Известия ВСОИРГИО. – Т. XXV, № 4–5. – Иркутск, 1896. – 12 с.
12. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 272 с.
13. Липинская В. А. Традиционное сельское хозяйство русских крестьян в Сибири и на Дальнем Востоке // Традиционный опыт природопользования в России: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1998. – С. 184–225.
14. Любимова Г. В. Феномен «ресурсного проклятия» в этноэкологической истории Сибирского региона (на материалах русской земледельческой традиции) // Этнос и среда обитания: сб. науч. ст. – М.: Старый сад, 2014. – Вып. 4. – С. 98–112.
15. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. – 235 с.
16. Матюхин А. Е., Праслов Н. Д. Особенности адаптации людей эпохи палеолита на территории Нижнего Дона // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приемы обработки: сб. науч. ст. – СПб.: Наука, 2008. – С. 6–22.
17. Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVIII – первая половина XIX века. – Новосибирск: Наука, 1991. – 208 с.
18. Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. – М., 1987. – 176 с.
19. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III. Половина первая. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1786. – 655 с.
20. Поляков И. С. Письма и отчёты о путешествии в долину реки Оби // Записки Императорской Академии наук: сб. науч. ст. – СПб., 1877. – Т. 30. – 187 с.
21. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 284 с.
22. Харузин А. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк) / ИОЛЕАЭ. – М., 1889. – Т. 63, вып. 1. – 338 с.

References

1. Agadzhanov S.G. *Oчерki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XII vekov [Essays on the History of Oguz and Turkmen of Middle Asia in IX–XII AD]*. Ashkhabad, Ylym Publ., 1969. 296 p. (In Russ.).
2. Aleksandrov V.A. *Osobennosti feodal'nogo poryadka v Sibiri (XVII vek) [Features of the feudal order in Siberia (XVII century.)]*. *Voprosy istorii [Questions of history]*, 1973, no. 8, pp. 39-58. (In Russ.).
3. Bashtannik S.V. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura na syrdar'inskom uchastke velikogo shelkovogo puti [Medieval urban culture in the Syr-Darya section of the Great Silk Road]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37/1, pp. 93-102. (In Russ.).
4. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie oчерki (XVIII – nachalo XX veka) [Evenks. Historical and ethnographic essays (XVIII – beginning of XX century)]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 305 p. (In Russ.).
5. Vdovin I.S. *Oчерki istorii i etnografii chukchey [Essays on the History and Ethnography of Chukchee]*. Leningrad, Nauka Publ., 1965. 404 p. (In Russ.).
6. Vdovin I.S. *Oчерki etnicheskoy istorii koryakov [Essays on the Ethnical history of Koryak]*. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 303 p. (In Russ.).
7. Vlasova I.V. *Traditsionnoe sel'skoe khozyaystvo na Russkom Severe [Traditional agriculture in the Russian North]. Traditsionnyy opyt prirodopol'zovaniya v Rossii [Traditional experience of nature-using in Russia]*. Moscow, 1998, pp. 119-138. (In Russ.).
8. Dyachenko V.I. *Puti i osobennosti kolonizatsii russkimi Taymyra [Ways and features of Russian colonization of Taimyr]. Sibir' v kontekste russkoy modeli kolonizatsii (XVII - nachalo XX veka): sbornik nauchnyh statey [Siberia in the context of the Russian model of colonization (XVII - beginning of XX century): collection of scientific articles]*. Ed. L.R. Pavlinskaya. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2014, pp. 68-124. (In Russ.).
9. Kosarev M.F. *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnaya sreda [Ancient History of Western Siberia: the man and the natural environment]*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 302 p. (In Russ.).

10. Kostomarov N.I. *Ocherk domashney zhizni i nraov velikoruskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Essay of domestic life and manners of Great Russian People in XVI and XVII centuries]. St. Petersburg, Tipografiya Karla Vul'fa Publ., 1887. 218 p. (In Russ.).
11. Krol M.A. Predvaritel'nyy otchet o rabotakh po issledovaniyu zabaykal'skikh buryat za period 1892-1895 godov [Preliminary report on the work on the study of Trans-Baikal Buryat for the period 1892-1895 years]. *Proceedings VSOIRGO [Izvestiya VSOIRGO]*. Irkutsk, 1896, vol. XXV, no 4-5. 12 p. (In Russ.).
12. Krupnik I.I. *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethnoecology]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 272 p. (In Russ.).
13. Lipinskaya V.A. Traditsionnoe sel'skoe khozyaystvo russkikh krest'yan v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Traditional agriculture of Russian peasants in Siberia and the Far East]. *Traditsionnyy opyt prirodopol'zovaniya v Rossii [Traditional experience of nature-using in Russia]*. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp.184-225. (In Russ.).
14. Lyubimova G.V. Fenomen "resursnogo proklyatiya" v etnoekologicheskoy istorii Sibirskogo regiona (na materialakh russkoy zemledel'cheskoy traditsii) [The phenomenon of the "resource curse" in Ethnoecological history of the Siberian region (on materials of the Russian agricultural tradition)]. *Etnos i sreda obitaniya: sbornik statey po etnoekologii [Ethnicity and environment. Collection of articles on ethnoecology]*. Moscow, Staryy sad Publ., 2014, pp. 98-112. (In Russ.).
15. Martynova E.P. *Ocherki istorii i kul'tury khantov* [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 235 p. (In Russ.).
16. Matyukhin A.E., Praslov N.D. Osobennosti adaptatsii lyudey epokhi paleolita na territorii Nizhnego Dona [Features of adaptation of the Paleolithic era people in the territory of the Lower Don]. *Problemy biologicheskoy i kul'turnoy adaptatsii chelovecheskikh populyatsiy. T. 1. Arkheologiya. Adaptatsionnye strategii drevnego naseleniya Severnoy Evrazii: syr'e i priemy obrabotki* [Problems of biological and cultural adaptation of human populations. Vol. 1. Archaeology. Adaptation strategies of the ancient population of Northern Eurasia: raw materials and processing techniques]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 6-22. (In Russ.).
17. Minenko N.A. *Ekologicheskie znaniya i opyt prirodopol'zovaniya russkikh krest'yan Sibiri. XVIII – pervaya polovina XIX veka.* [Environmental knowledge and experience of nature of Russian peasants in Siberia. XVIII – first half of XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 208 p. (In Russ.).
18. Nikitin N.I. *Sibirskaya epopeya XVII veka. Nachalo osvoeniya Sibiri russkimi lyud'mi* [Siberian epic XVII century. Start of development of Siberia Russian people]. Moscow, 1987. 176 p. (In Russ.).
19. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva. Ch. III. Polovina pervaya* [Journey in various provinces of the Russian state. Part III. First half]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk Publ., 1786. 655 p. (In Russ.).
20. Polyakov I.S. Pis'ma i otchety o puteshestvii v dolinu reki Obi [Letters and reports about the journey to the valley of the Ob River]. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk* [Notes of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1877, vol. 30. 187 p. (In Russ.).
21. Tugolukov V.A. *Tungusy (evenki i eveny) Sredney i Zapadnoy Sibiri* [Tungus (Evenki and Evens) of Central and Western Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 284 p. (In Russ.).
22. Kharuzin A. Kirgizy Bukeevskoy ordy (antropologo-etnologicheskii ocherk) [Kirghizes of Bukeyev horde (anthropological and ethnological survey)]. Moscow, IOLEAE Publ., 1889, vol. 63, iss. 1. 338 p. (In Russ.).